

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И МЕХАНИЗМЫ
РЕАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕЙ
СВОИХ СОЦИАЛЬНЫХ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ**

**PSYCHOLOGICAL PRECONDITIONS AND MECHANISMS
OF REALIZATION BY THE RUSSIAN FAMILY
OF ITS SOCIAL AND PEDAGOGICAL POSSIBILITIES**

Лишин О.В.

Доктор психологических наук, профессор

Lishin O.V.

Doctor of Science (Psychology), professor

Аннотация. В статье обосновывается процесс обретения старшими подростками и юношами смыслов жизни как ведущая деятельность в их возрасте. Раскрывается потенциал семейного воспитания и детских объединений, способствующий проявлению и обретению этих смыслов.

Annotation. Article substantiates the finding process by the senior teenagers and young men of meaning of the life as leading activity at their age. Article reveals the potential of family education and the children's associations, promoting display and finding of these senses.

Ключевые слова. Семейное воспитание, детские объединения, смысловые образования, аксиология.

Keywords. Family education, children's associations, semantic formations, an axiology.

Предисловие

*«Неповторимый человек оставляет свой
неповторимый след на земле:
написанную книгу, созданную вещь,
выращенное дерево,
память о себе в сознании людей...»*

*(Из книги О.В. и А.К. Лишинных
«Это нужно живым»)*

Олег Всеволодович Лишин (1933–2009) оставил такой след на земле за прожитые 76 лет, что проводить этого удивительного человека пришло человек двести, от тех, кому за семьдесят, до детей самого «мелкого» возраста – кто как-то узнал о его уходе и оказался в Москве в эти майские праздники. Был костер, были любимые песни и воспоминания, было светло и грустно одновременно.

Вспоминая О.В. Лишина, геолог и педагог, мама четырех детей Лена Раюшкина (Мединская) пишет: «Мне очень тяжело сформулировать, что же мне дал в этой жизни Всеволодович. Ведь приходится, по сути дела, заниматься самоанализом. Хотя и говорят, что человек формируется в самом раннем детстве, есть такое в моей жизни воздействие, которое во многом изменило и меня, и мою жизнь. Это годы с пятнадцати лет (с 1974) рядом со «Всеволодычем» в отряде «Дозор», и позже – годы общения, не частого, но очень необ-

ходимого. Это как камертон для души. В той ли я тональности? Так что же самое важное я получила? Сейчас могу смело сказать: мне «привиты» гуманизм и демократия».

Очень громкие слова. Постараюсь пояснить, почему не могла обойтись без них. Всюду говорят о демократии и гуманизме. Но слова останутся словами, если они не подтверждены в жизни, в делах. Сейчас я понимаю, что созданный и руководимый Лишиными отряд «Дозор» стал уникальным инструментом воспитания и создания ЛИЧНОСТИ. В отряде я, выросшая в строгости воспитания деда, зам. начальника военного училища по учебно-воспитательной работе, впервые столкнулась с подлинной народной демократией:

- когда сами принимаем решения и сами за них отвечаем,
- когда голос даже самого мелкого «малька» имеет вес,
- когда ответственность твоя за всех и всех – за тебя,
- когда ты свободен в своих делах и мыслях, но очень хочется работать на отряд, для людей, да много еще чего...

Очень важным фактором для меня стало уважительное отношение Всеволодовича и дозоровцев ко мне как к личности, самостоятельной единице общества. Ко мне, со всеми моими недостатками и комплексами взрослого подростка, отнеслись внимательно и бережно. Все самое лучшее было поддержано, а работа над ошибками и недостатками шла ненавязчиво, но системно. Сама атмосфера жизни отряда и весь цикл его работы помогли саморазвитию, учили анализу. Особо хочется сказать о творчестве. Разные идеи просто фонтанировали. Конечно, Всеволодович всегда был основной движущей силой в раскрутке наших мозгов, в придумывании нестандартных проблем и задач. В моей дальнейшей жизни способность к принятию нестандартных решений и выработке идей очень мне помогла.

Уважительное отношение к окружающим и равенство всех без различий в возрасте и звании, человечность и активная гражданская позиция, забота о ближнем – важнее твоих проблем, равнодушие и доброта – вот, на мой взгляд, главное, чему обучал нас Всеволодович, и постоянно – на собственном примере. Спасибо тебе, Всеволодович!

Этот пример, как десятки и сотни других, сочетание практической психолого-педагогической работы с широкомасштабными теоретическими исследованиями дали право О.В. Лишину выдвинуть свою концепцию ведущей деятельности взросления как смыслового образования, подчиняющего своему смысловому содержанию все другие виды деятельности, в результате чего в ней происходит формирование смысловых структур личности, в том числе направленность мотивационной стратегии ее жизненных позиций, что в конечном итоге определяет сознание и поведение человека. Эту концепцию О.В. Лишин предлагает рассматривать как ориентир в постановке цели и задач воспитания.

О.В. Лишин – выпускник МГУ 1955 года, доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Психологического института РАО, автор более ста научных работ, в том числе шести книг, вместе с женой, тоже выпускницей МГУ, пришел в педагогику в 1962 году. А с 1973 по 2003 годы руководил созданным ими коммунарским педагогическим, а затем и военно-поисковым отрядом «Дозор». Вместе они работали в журналистике по широкому кругу вопросов, вместе писали книги. В 2005 году стали лауреатами премии правительства РФ (третьим был В.М. Сергеев) за цикл работ для общеобразовательных учреждений «Педагогическая психология воспитания». За вклад в развитие психологической науки О.В. Лишин награжден медалью Г.И. Челпанова, за заслуги в области педагогических наук – медалью К.Д. Ушинского и значком «Отличник народного просвещения». В 2008 году – в Год семьи – был отмечен Советом ветеранов как родоначальник династии военных поисковиков в трех поколениях.

И это – очень кратко и сухо о его заслугах в жизни. Слово его коллеге, психологу И.Д. Егорычевой: «Лишин – он из тех, которые не играют, не делают вид, не выгадывают. Для него «понарошку» – невозможно, «как бы» – не про него. И поэтому ему верили те, которые мало кому верят – подростки. И шли за ним, с ним. Наверное, это самый главный научный итог, о котором не каждый из нас может даже и мечтать. Верность Идеи и Вера в Идею. У него все по-честному. Все по правде. Этой верностью и этой своей правдой многих, наверное, раздражал. Собственно, по-другому и не бывает. Лишин – он из настоящих. Наверное, поэтому иначе, чем в настоящем времени, говорить о нем невозможно».

«Всеволодыч однажды сказал, – пишет режиссер документальных фильмов, дозоровка с 1980 года Светлана Коновалова, – что, к сожалению, в нашем обществе из-за всевозможных войн и потрясений все меньше оставалось людей, которые ориентированы жить для других, а потом уже для себя. Такие люди жертвовали собой и погибали в первую очередь».

Но ведь сам Олег Всеволодович Лишин был именно таким человеком. Он пронес этот внутренний свет любви к людям через всю свою жизнь и сумел передать его очень многим девочкам и мальчишкам, которые знали его – дозоровцам, ученикам в школе, студентам. Мне всегда казалось, и так, наверное, оно и есть, что самое лучшее, что есть во мне – оттуда, из тех школьных лет, когда я впервые пришла в «Дозор» и познакомилась с этим удивительным человеком, услышала об идеалах коммунарства, переставших быть для меня холодной теорией. Я, как и многие ребята, пришла в «Дозор» и осталась там навсегда, потому что оценивать свои поступки – «подозоровски» или нет, я поступаю – это осталось со мной на всю жизнь».

И еще одно воспоминание – Людмилы Наумчук. «Олег Всеволодович... Мне довелось познакомиться с ним, будучи на 3 курсе психологического факультета МГУ. Я пришла к нему писать курсовую работу. Мне на всю жизнь запомнилось, как по-доброму, просто и человечно протекала наша беседа. Это разительно отличалось от принятой манеры общения у нас на факультете. Тогда я осознала, как важно для юного человека получить хорошую опору и понимание для дальнейшего развития и личностного, и профессионального.

Я очень благодарна ему за честность и открытость наставничества, за искренность и подлинность. Далее было профессиональное сотрудничество, поисковая деятельность, – и всегда я чувствовала отеческую заботу и понимание, желание и радость делиться накопленными знаниями и опытом. Мы многое обсуждали, иногда не соглашаясь с мнением друг друга, открыто строили гипотезы и, не боясь, опровергали их.

В дальнейшем, читая работы Олега Всеволодовича, я понимала, что это не есть голое теоретизирование, а практическая реализация мыслей и доводов, почерпнутых из богатого личного жизненного опыта. Таким работам веришь и всегда находишь применение в своей деятельности, в своих рассуждениях и мыслях».

Неповторимый человек Олег Всеволодович Лишин оставил свой неповторимый след в жизни: научные идеи и мысли в своих статьях и книгах, в курсе аудио-видеолекций и документальном фильме «Спасенные имена» о смысле военного поиска. И самое главное – память о себе в сознании сотен, а, может быть, и тысяч людей, с которыми сводила его жизнь.

«Впервые в истории физическое выживание человеческого рода зависит от радикального изменения человеческого сердца»

Э. Фромм [41, с. 218]

«Нет ничего хуже, чем вырастить человека с сильным характером, но без совести. Совесть без сил поступать по совести смешна, но сила без совести – страшна»

С. Соловейчик [36, с. 39]

«Отношение взрослого сообщества к Детству, – пишет Д.И. Фельдштейн, – в современных условиях качественного усложнения всей системы многоплановых человеческих отношений... приобрело особую остроту и значимость. При этом исключительно важна позиция, которую взрослые занимают по отношению к детям в целом. Это позиция ответственности, включающая широкий спектр компонентов – от заботы о потомстве до стремления обеспечить нормальное будущее че-

ловечества. Но во всех случаях – это позиция посредника в освоении ребенком социального мира, без которого немислим переход детей в Мир Взрослых.

Нормальное развитие Детства вообще и индивидуальное развитие каждого ребенка в частности предполагает (как показывают полученные нами исследовательские материалы – Д.И. Фельдштейн) субъективный принцип построения отношений не только между отдельными взрослыми и детьми, но и между Мирами Взрослых и Детей как субъектами взаимодействия. Только такой уровень отношений порождает Диалог. Однако в современном обществе прослеживается качественно иная картина – картина деформированных взаимоотношений взрослых и детей» [40, с. 21–29].

Принципиально разделяя эту мысль, мы полагаем, что **узловой точкой несогласованности отношений взрослого и детского сообществ является неполноценность их взаимоотношений, особенно заметная в критические периоды развития личностных качеств ребенка, т.е. в моменты, когда ему в особенности необходима помощь взрослого для построения новой ведущей системы отношений к миру – новой ведущей деятельности.**

Собственно, Л.С. Выготским еще в 1933–1934 гг. была отмечена причинно-следственная связь между «трудновоспитуемостью» ребенка в эти, критические периоды его развития, и отношением к нему взрослых, не поспевающим за быстрыми позитивными изменениями его личности.

Л.С. Выготский акцентировал внимание на том, что «разрушительная работа совершается в эти периоды в меру того, в меру чего это вызывается необходимостью развития свойств и черт личности», на том, что «негативное содержание развития в эти периоды является только обратной или теневой стороной позитивных изменений личности», и, наконец, на том, что вялое течение кризисных изменений, скажем, в трехлетнем возрасте способно быть предвестником глубокой задержки в развитии аффективной и волевой сторон личности в последующие годы [10, с. 114–123].

Понимая, что в задачу Л.С. Выготского не входило рассмотрение роли Взрослого в эти периоды личностного развития, мы полагаем, что само понятие «разрушительности» кризисных процессов, «отмирания и свертывания, распада и разложения того, что сложилось на предыдущей ступени развития», не следует понимать буквально. Скорее, оно отражает точку зрения Взрослого, наблюдателя, стоящего на субъект-объектной позиции по отношению к ребенку.

К тому же такое понимание отражает еще и реально существующее внутреннее накопление противоречий между операционально-технической и смысловой сторонами развития личности, первым признаком которых являются малозаметные изменения прежних отношений к предметам, людям и ситуациям, изменение того, что К. Левин называл характером требования. «Изменение характеров требования, – писал он, – нередко выступает как первые признаки изменения внутренней ситуации, т.е. прежде чем сам переживающий заметит внутренние изменения собственных наклонностей до того, как начнет меняться мировоззрение (в большом и малом масштабе), появляется предвестник – изменение отношения к тому, что раньше казалось важным, значимым, интересным, отталкивающим». (Lewin 1926, s. 63).

По этому признаку «можно угадывать приближение душевного противоречия, так и то новое направление, которое приняла душевная жизнь в ходе разрешения. Сначала появляется изменение прежних отношений, запросов, требований к окружающему миру. Это – сигнал (критерий) глубокой внутренней работы. Следующий этап – в той или иной степени осознание происшедшего, обозначение его для себя человеком. И, наконец, последний этап – появление и укоренение нового мировоззрения, т.е. рождение новых конкретных отношений к миру, новых требований к себе и другим, новых повседневных действий и привычек» [16, с. 139–140].

В оптимальном варианте, как нам представляется, личностное, открытое, диалогичное общение, основанное на взаимном положительном отношении, эмоциональном контакте и доверии с обеих сторон обеспечивает благополучный переход ребенка к новому отношению к миру и разрыванию новой «ведущей деятельности». К сожалению, так бывает не всегда. Как свидетельствует Г.А. Ковалева «на противоположном полюсе отношений личности стоят ролевые отношения, определяющие “монологический” характер организации контактов между людьми, который обладает наименьшим коммуникативным воспитывающим потенциалом». Больше того, именно при таком стиле общения наиболее вероятен отрицательный, негативный педагогический эффект воздействия на личность, наиболее часто создаются условия, угрожающие психологическому здоро-

вью личности, ее нормальному психическому и нравственному развитию, создаются условия постоянных конфликтов [19; 20].

Взаимопонимание при таких контактах минимально или полностью отсутствует. В таких случаях принято говорить о патологической роли семейного воспитания отвергающего, гиперсоциализирующего и эгоцентрического типов. Речь идет также о патогенной родительской позиции (Спиваковская А.С., 1981). В различных работах отечественных и зарубежных авторов подчеркивается решающее значение неадекватного эмоционального контакта между родителями и ребенком, искажение или недостаток которого порождают у ребенка чувство страха, отверженности, враждебности, нарушают свойственные ему формы общения, искажают потребность в эмоциональных контактах.

Неразвитость отношений привязанности между ребенком, его матерью и другими родными в дальнейшем приводит к стабильному отвержению личностью своего «Я»; и, как следствие, – искажению мира социальных отношений [19, с. 22]. Важнейшее место в этой цепи событий занимает звено неполноценной или извращенной ведущей деятельности, ответственной за социализацию личности. Чаще всего речь в таких случаях идет о нарушении ведущей деятельности на младенческом и дошкольном этапах в первой фазе развития личности и на поворотных рубежах «я и общество» в подростковом периоде развития – во второй его фазе.

Мы ни в коей мере не хотим приуменьшить значение этапов развития личности, ответственных, прежде всего, за ее индивидуализацию, по сравнению с процессом социализации. По нашим наблюдениям, при переживании ребенком социальной позиции «я и общество», ведущее значение в общем процессе развития личности принадлежит обстоятельствам и интенсивности процесса социализации; индивидуализация, скорее, оказывается ее следствием. Обратное соотношение складывается при переживании субъектом социальной позиции «Я в обществе»; здесь ведущее значение принадлежит, прежде всего, процессу индивидуализации и связанным с ним обстоятельствам; они определяют, в конечном счете, и социальное развитие личности.

Сказанное означает, что искаженно протекающий процесс социализации практически неизбежно тормозит или искажает индивидуальное развитие личности. Справедливым будет аналогичное суждение по поводу искаженного развития индивидуализации и его влияния на социальное развитие. Здесь мы должны уточнить понятие недостаточного (или неполного) развития ведущей деятельности и ее искаженного развития с точки зрения влияния этих нарушений на развитие личности.

Скажем сначала о нормальном его процессе. За него мы, в согласии с Б.С. Братусем, принимаем «развитие, которое ведет человека к обретению им родовой человеческой сущности. Условиями и одновременно критериями этого развития являются: отношение к другому человеку как к самоценности, как к существу, олицетворяющему в себе бесконечные потенции рода “человек” (центральное системообразующее отношение); способность к децентрации, самоотдаче и любви как к способу реализации этого отношения; творческий, животрепещущий характер жизнедеятельности; потребность в позитивной свободе, способность к свободному волепроявлению; возможность к самопроектированию будущего; вера в осуществленность намеченного; внутренняя ответственность перед собой и другими, прошлыми и будущими поколениями; стремление к обретению сквозного общего смысла своей жизни» [6, с. 50].

Соответственно, ведущая деятельность на основе присущего данному этапу развития ведущему отношению к миру, должна стать ступенькой восхождения к «родовой сущности» человека, но это – если она несет содержание, соответствующее смыслу этой сущности.

Например, на младенческом уровне полноценное развитие ведущей деятельности представляет собой личностное, открытое, диалогическое общение с матерью или с лицом, ее заменяющим, общение, основанное на взаимном положительном отношении, эмоциональном контакте и доверии с обеих сторон.

Неполноценное развитие той же деятельности будет иметь место при ролевом, закрытом, монологомическом, возможно, манипулятивном общении, прежде всего по инициативе взрослого, с ограниченным набором его ролевых функций и бедным психологическим содержанием. Так бывает при жестком и холодном стиле общения матери «шизогенного варианта», но без открыто выраженного неприятия ею ребенка. Если последнее налицо и отношение родительницы к ребенку равнодушное, пренебрежительное или отвергающее, ему приходится (во имя выживания) плачем

и криком вымогать внимание взрослых, а иногда даже провоцировать у себя возникновение болезненных явлений с той же целью. Это – уже извращенный вариант ведущей деятельности в младенческом (или ином) возрасте.

Биологически такая деятельность обеспечивает выживание субъекта, но личность его непоправимо уродуется, закладывается в нем то, что называется «базовым недоверием к миру». Непоправимость эта не абсолютна, если вдруг придет «кто-то» – взрослый с истинно материнским отношением и останется около малыша. Но если этого не произойдет – будет сделан первый шаг к развитию аномального характера, ведущего человека к отъединению, отрыву от его родовой сущности.

Прежде всего, этой «аномалии» свойственно отношение к человеку как к средству, к вещи конечной и заранее определимой; это – эгоцентризм и неспособность к самоотдаче в любви. Остальные, перечисленные выше критерии нормального развития личности отражены в данной характеристике лишь негативно. При частичном дефиците признаков нормального развития оно неполноценно, при последовательном и практически полном их отсутствии – извращено, в этом случае речь идет уже о расчеловечивании, наиболее отчетливо выраженном в преступном мире (феномен «отмороженности», «отвязности», «беспредела») и в фашизоидном варианте, когда бесчеловечность и садизм становятся формой самоутверждения.

В.А. Коваленко по этому поводу пишет: «... Все страшное в практике гитлеровских главарей, выявившееся во время развязанной ими второй мировой войны, уже вызрело раньше, в мирное время, в затхлых закутках давно устаревшего махрового национализма. Они убивали, еще не убив, убивали в мечтах и испытывали от этого душевное удовлетворение» [20, с. 232].

Люди, испытавшие войну, уже размышляли о тонкой, но решающей грани, отделяющей солдата от палача, убийство по необходимости, в бою – от убийства для собственного удовлетворения. Поэт-фронтовик, Юрий Белаш писал по этому поводу:

«Я солдат. И когда я могу не стрелять – не стреляю.

Я винтовочный ствол дулом вниз опускаю.

Ведь на фронте бывает, от крови шалеешь –
и себя не жалеешь, и врага не жалеешь.

И настолько уже воевать привыкаешь,
что порой и не нужно, а все же стреляешь...

Да, солдат убивает. Так ведется от века.

Только поберегись – и в себе не убей человека»

Ю. Белаш [8, с. 144]

Алесь Адамович, писатель, партизан и мыслитель-гуманист рассказывает: «Умный, испытавший войну сполна писатель утверждает: человек, хотя бы единожды убивший – уже не прежний, уже другой человек. Даже если на войне, на справедливейшей из войн убивал. Так, видимо, и есть – в принципе. /.../ Знаю про пятнадцатилетнего, которого война и немецкие зверства ожесточили до такой степени, что, когда пуля раздробила ему голову, взрослые с виноватым чувством, но признавали, что испытали что-то вроде... (хотел сказать облегчения, но не решаюсь). Все как будто выход в этом увидели. Страшно было представить, как бы он жил, этот параноик, для которого возможность убить стала не то, чтобы необходимым, но даже сладостным занятием...» [2, с. 284–285].

Подобное разрушение личности в результате непереносимых впечатлений детства способно породить маньяка-убийцу, садиста, вполне, по-видимому, лишенного человечности. Личности такого рода не могут не появляться в значительном числе после войн, в особенности после карательных акций – войны с народом.

«Очень показателен в этом отношении ставропольский убийца С. ... Он орудовал около 20 лет – заводил детей в лес и “играл” с ними в фашистов, которые пытаются советских бойцов. О нем писали сотрудники ВНИИ общей и судебной психиатрии им.Сербского. Он не насиловал детей, он их истязал и при виде агонии испытывал оргазм. Весь процесс снимал на фото и киноплёнку, чтобы потом насладиться еще.

Давайте посмотрим, с чего это началось. В детстве, во время оккупации, он стал свидетелем такого эпизода. К ним в дом зашел немец в черных начищенных сапогах – это он ярко помнил. Они с братишкой спрятались под кровать. Немец на их глазах убил собаку – было много крови.

Собака билась в агонии. Это было своеобразное ощущение: смесь страха и наслаждения, колоссальной опасности и чего-то необычного, что доставляет удовольствие (стереотипный комплекс, который запускает эротический механизм – прим. канд. мед. наук А. Ткаченко – страшно, что это начало формироваться достаточно рано).

Он получил специальность, работал мастером на заводе, успешно продвигался по службе. Женился. С разрывом в два года родились сыновья. На заводе С. организовал подростковый клуб, а вскоре и вовсе прекратил работать по специальности – ушел в “педагогическую” деятельность. Надо сказать, что у него были успехи, клуб всегда занимал какие-то призовые места, С. даже получил памятную медаль. Ходил с детьми в походы, пользовался у них безграничным авторитетом.

Постепенно стал продумывать сценарий: как заполучить ребенка в свое неограниченное распоряжение, чтобы не иметь неприятностей. Всегда выбирал мальчика из неполной семьи, которым мало занималась мать. Выбрав сексуально привлекательный объект, он начинал действовать. Каждый раз процедура становилась все более утонченной. Он вешал детей, отрубал им конечности, потом начал использовать целлофановый пакет, который надевал детям на головы. У тех развивалась асфиксия... Киносъемку оправдывал гуманными целями (смотрите какой выверт!), говорил, что так погибало меньше детей, иногда ему было достаточно посмотреть фильм. В его фильмах – а он сам иногда попадал в камеру – это был агрессивный, энергетически насыщенный, твердо знающий, чего он хочет человек. Признан вменяемым и психически здоровым. Был расстрелян» [39].

Образную, яркую и психологически точную картину расчеловечивания подростков Миром Взрослых рисует А.И. Солженицын, рассказывая о судьбе несовершеннолетних заключенных ГУЛАГА. «На двенадцати- и четырнадцатилетние головки обрушился уклад, которого не выдерживали устоявшиеся мужественные люди. Но молодые по законам молодой жизни не должны были этим укладом расплющиться, а – врать и приспособиться, как в раннем возрасте без затруднения усваиваются новые языки, новые обычаи – так малолетки с ходу приняли и язык Архипелага, – а это язык блатных, и философию Архипелага, – а чья это философия?

Они взяли для себя из этой жизни всю самую бесчеловечную суть, весь ядовитый гниющий сок – и так привычно, будто жидкость эту, эту, а не молоко, сосали они еще маленькими.

Они так быстро вырастали в лагерную жизнь – не за недели даже, а за дни! – будто и не удивлялись ей, будто эта жизнь не была им вовсе нова, а была естественным продолжением вчерашней вольной жизни. /.../ На Архипелаге же малолетки увидели мир, каким представляется он глазам четвероногих: только сила и есть правота! Только хищник имеет право жить! Так видим мы Архипелаг и во взрослом возрасте, но мы способны противопоставить ему наш опыт, наши размышления, наши идеалы и прочтенное нами до того дня.

Дети же воспринимают Архипелаг с божественной восприимчивостью детства. И в несколько дней дети становятся тут зверьми! – да зверьми худшими, не имеющими этических представлений... Малолетка усваивает: если есть зубы слабей твоих – вырывай из них кусок, – он – твой! /.../ Он ... видел вокруг себя много мошенничества, воровства, спекуляции, и сам для себя рассудил жизнь: не крадет и не обманывает только тот, кто боится. А я – не хочу никого бояться! И, значит, буду красть, и обманывать и жить хорошо. В детской колонии еще больше несправедливостей, чем на воле. Начальство и надзиратели живут за счет государства, прикрываясь воспитательной системой. Часть пайка малолеток уходит с кухни в утробы воспитателей. Малолеток бьют сапогами, держат в страхе, чтобы были молчаливыми и послушными. Самый простой ответ на одолевающие несправедливости – твори несправедливости сам! Это – самый легкий вывод, и он теперь надолго (а то и навсегда) станет жизненным правилом малолеток [37, с. 279–280].

Сказанное не потеряло своего страшного смысла и сегодня, более чем полвека спустя. Бесчеловечные будни детских колоний, описанные Л.А. Габышевым [11], хронологически близки к нашим дням. А будни миллионов российских “социальных сирот”, малолетних бомжей, жертв “наведения конституционного порядка”, “борьбы с терроризмом”, детей, проданных сутенерам, дельцам порнобизнеса – все они еще ждут своего Солженицына или Габышева. **Везде, где жизнь Взрослого Мира извращена, преступна и бесчеловечна, эстафету расчеловечивания первыми принимают дети. И – несут ее дальше, в будущее.**

Как мы можем убедиться, сфера межличностных отношений и впечатлений, полученных в детстве, способна определить не только социальное развитие ребенка, но и его индивидуальное ста-

новление. Можно предположить, однако, что при относительной недостаточности, неполноте развития ведущей деятельности, ответственной, прежде всего, за социализацию личности, остается вероятной полноценность развития ее в направлении индивидуализации. Так, субъект шизоидного склада, эгоцентрической направленности личности, недополучивший в детстве тепла от любящей, но холодной, жесткой и эгоцентричной матери, может быть человеком, хронически несчастным в семейной жизни, но при этом – отличным специалистом, мастером своего дела, врачом, крупным администратором, объективно своим трудом несущим много добра обществу.

Иное дело – извращенная ведущая деятельность, формирующая, особенно под влиянием соответствующих впечатлений, извращенную социализацию. На примере педофила и убийцы С. можно видеть, как происходит под влиянием соответствующего импрессинга расчеловечивание личности и как потенциальные возможности индивидуума используются им во имя зла. Дополнительно трудно говорить о характере ведущей деятельности в детстве С., но можно быть уверенным, что социальной нормой она не отличалась: негативный импрессинг не повлек бы за собою таких катастрофических последствий, если бы не опирался на эгоцентрическую направленность личности.

Говоря о проблемах детско-родительских отношений, порождающих неврозы, А.И. Захаров рассматривает семейные аномалии через отражение социогенетической преемственности в семьях трех поколений одного рода: "В этих поколениях происходит уменьшение выраженности характерологических изменений, в наибольшей степени представленных в прародительской семье, и увеличение невротических, эмоциональных в своей основе и психогенных по происхождению, изменений личности [17, с. 131].

Другими словами, смысловые образования как личностные особенности старших поколений (к ним относим, прежде всего, личностную позицию – доминанту жизни, в другой терминологии – направленность личности, паттерн привязанности, тип социального мышления, predisposition, базовую социальную установку и т.д.) порождают невротическое развитие последующих поколений. В той же работе автор перечисляет наиболее общие черты родителей, способствующих личностной патологии (неврозам) у детей. Это, прежде всего, «недостаточная уверенность в себе, или шире – неадекватный уровень самооценки, проблемы личностного самоопределения, в том числе чувство внутренней неудовлетворенности: неустойчивость, противоречивость личности, импрессивный характер переработки чувств и переживаний, недостаточную пластичность, образность мышления, некоторая негибкость, способствующие развитию гиперсоциализированных черт личности, эгоцентризм».

Поскольку указанные личностные качества способны проявляться не только в детско-родительских, но прежде всего в межличностных семейных отношениях родителей, необходимо обратить внимание на истоки и психологические механизмы этих отношений. «Взаимоотношения между родителями и детьми всегда тесно связаны с характером взаимоотношений между самими родителями, образом жизни семьи, здоровьем, благополучием, ее счастьем, – пишет Ю. Хямяляйнен. – Поэтому задачи воспитания родителей, связанные с развитием ребенка, тесно переплетаются с проблемами семьи. Ровное и счастливое детство возможно только в счастливом доме. Больше всего благополучию ребенка способствует доброжелательная атмосфера и такая система семейных взаимоотношений, которая дает чувство защищенности и одновременно стимулирует и направляет его развитие» [43, с. 22].

В работе А.А. Кроник и Е.А. Кроник описано явление психологической близости значимого другого [21, с. 67]. В основе этого понятия лежит идея, высказанная Б.Ф. Поршневым о феноменах «Мы» и «Они» как об исходных психологических формах человеческого общения [32, с. 14]. На этой мысли была построена шкала «Он (Она, Они) – Мы», на крайних точках которой «Он» – предельно выраженная отдаленность, «Мы» – максимальная психологическая близость другого, что переживается субъектом как слияние с другим. При исследованиях было выявлено, что у каждого человека существует свой предел психологического сближения с супругом. «Это та дистанция, при нарушении которой общение становится трудным, тягостным, дискомфортным. У мужчин дистанция, как правило, больше, у женщин – меньше. Есть супруги, у которых потребность в психологическом сближении приблизительно одинакова. Такие пары, как правило, благополучны, ус-

тойчивы даже при некоторых “но”, потому что совпадение требуемых психологических дистанций – одна из главных опор семейного дома» [32, с. 17–18].

Есть все основания предположить, что у личностей, характеризующихся жизненной позицией эгоцентризма («Я – О’К со мной», «Ты не О’К со мной») дистанция будет значительной, у личности гуманистической направленности («Я – О’К со мной», «Ты – О’К со мной») – дистанция гораздо короче. Отсюда следует, по меньшей мере, два вывода. Один из них: желательность взаимной оценки людей, сходящихся в семейную пару по параметру «жизненной позиции» в отношении к людям. Соответствующую методику для глазомерного измерения (учитывая, что жених или невеста с психологическим тестом в руках – едва ли самое подходящее зрелище, во всяком случае, не очень уместное) пока еще предстоит создать.

Тем не менее, смысловые характеристики такого рода улавливаются при сколь-нибудь внимательном отношении довольно легко. Достаточно мысленно поставить вопрос: «Как этот человек относится к людям, непосредственно ему не очень нужным?» ... К тому же существует наблюдение: женщинам свойственны два типа отношений к своим избранникам: в одном варианте «она» хочет, прежде всего, родить от него ребенка, в другом – обрести в нем друга, спутника в совместной жизни. Это деление, при всей условности, соответствует, как можно думать, нравственной ориентации женщин в одном случае – на наиболее полное выражение начал индивидуализации мужчины – возможного отца; в другом случае – на наиболее полное выражение начал социализации у обоих возможных партнеров.

«Жизнь в семье заключается в том, – размышляет отец пятерых детей, художник В. Гребенников, – чтобы преодолевать дистанцию между собой и детьми. И важно дожить до того времени, когда наступают не родительские, а чисто человеческие, равновеликие отношения. Мы работали на равных. Вместе преодолевали безденежье, усталость, опасные ситуации. И вот, однажды, дети перестали быть для меня просто сыновьями. Они стали друзьями – людьми, с которыми меня свела судьба.

Что труднее – стать большим художником или поднять на ноги большую семью? Наверное, второе. Надо найти Женщину – жену, мать, друга, полюбить ее навсегда, включить ее и детей в орбиту не только своей художественной, но, главное – человеческой деятельности, научить их жить, так как ты, и дать им надежду на то, что они будут жить лучше» [26, с. 14].

Так или иначе, есть все основания полагать, что, своевременно опознав в своем избраннике или избраннице близкого себе по духу, т.е. по жизненной позиции, отношению к людям вообще и близким в частности, или, наоборот – далекую в этом вопросе личность, субъект поступит разумно и ответственно. Он (она) обеспечит благополучное будущее не только себе и своим детям, но и, скорее всего, детям своих детей. Существуют наблюдения, свидетельствующие, что резкое несоответствие жизненных позиций (гуманист с альтруистической акцентуацией – эгоцентризм индивидуалиста или даже эгоиста) чревато отсутствием перспектив взаимопонимания, драматическими, иногда трагическими последствиями.

Другой вывод из отмеченной выше закономерности звучит как пожелание каждому члену семьи: «Сколь бы разными и непонятными друг другу не были люди, они будут вместе, если предмет их внимания является радость ближнего и собственное умение радоваться ему. А поэтому каждый должен стремиться к пластичности, гибкости в отношениях, быть легким на переходах от доминирования к зависимости, от открытости к большей автономности и т.п. Чем легче эти переходы, чем реже вы обращаете на них внимание, тем меньше взаимных обид, раздражений, недовольства» [21, с. 18].

Остается, правда, совершенно открытым вопрос о возможности выполнения этих, вполне гуманистических пожеланий, людьми с совершенно иными жизненными позициями. Как пишет Эрих Фромм: «В авторитарной этике авторитет определяет, в чем благо человека, и он же устанавливает законы и нормы поведения; в гуманистической этике человек сам и творец норм, и их исполнитель, он их создает, он их реализует, и он их соблюдает. Формально авторитарная этика отрицает у человека способность знать, что хорошо, а что плохо; здесь норму всегда устанавливает авторитет, стоящий над индивидом. Такая система основывается не на разуме и знании, а на благоговейном страхе перед авторитетом и субъективным чувстве слабости и зависимости; на отказе от решений, предоставляющих авторитету право принимать их. Его решения не могут и не

должны подвергаться сомнению. Материально, или в смысле содержания, авторитарная этика отвечает на вопрос, что хорошо, а что плохо, исходя в первую очередь из интересов авторитета, а не интересов субъекта; она – эксплуататорская, хотя субъект может извлекать из нее значительные психические или материальные выгоды» [42, с. 15–16].

Остается отметить еще одну важную для сферы отношений со значимыми людьми сущность связей, «в которых проявление или формирование определенного свойства характера одного человека зависит от проявления какого-либо свойства характера другого человека, как характеро-образующих» [21, с. 93]. Эти связи – как бы мост от одного человека к другим, прежде всего, – к детям и самым лично близко субъекту людям. В сущности, это явление свидетельствует о том, что близкие друг другу люди не бывают лично нейтральны во взаимном воздействии: характерообразующие связи делают каждого человека либо «лучше себя», либо «хуже себя», если вести отсчет от потенциальных возможностей, приобщающих субъекта к человеческому роду, другими словами – от нормы.

О детях в этом отношении можно услышать: «дети – это увеличительное стекло добра» (или зла). В отношении взрослых членов семьи, родителей (в особенности смолоду), можно говорить о принципиальной возможности одного из них, несущественно, мужа или жены, своим отношением будить лучшие черты своего супруга, помогая ему стать самим собой в лучшем для него варианте – или делать его хуже его самого – гнуть и ломать личность близкого, подчиняясь авторитарной логике: «Будь таким, как я хочу!» Отец Александр Мень в таких случаях говорил о «выпущенных когтях» личности.

Сказанное имеет отношение не только к судьбе отдельной семьи или отдельного ребенка. Существеннейшая проблема российского социума состоит в падении его нравственных основ ниже любой мыслимой критической отметки: значимость человеческой жизни и человеческой личности в России в течение двадцатого века неукоснительно падала, роль общественного мнения понижалась, внутренние регуляторы поведения – стыд, совесть, честь в значительной мере утратили свою роль.

В самой общей форме это объяснимо. Ф. Бурлацкий приводит мысль, высказанную Никколо Макиавелли относительно наиболее драматического последствия длительного господства тирании. «Он писал, что результатом такого господства является развращенность общества. Это общество людей с истерзанными душами, откуда капля за каплей выдавливались понятия чести и достоинства, справедливости и добра. Именно в этом видел он наиболее трудную проблему смутного времени, наступающую после смерти тирана. Такое общество, полагал Макиавелли, нелегко направить к демократии, поскольку нравы в нем предельно испорчены предшествующими годами рабской покорности, угодливости, взаимными доносами, примирением с несправедливостью и нескончаемым произволом» [9, с. 218].

Аналогичные взгляды на изменение общественного сознания под влиянием тирании, по словам того же автора, высказывали: Конфуций в Китае, Геродот и Тацит в античном мире. Все они говорят о самом широком распространении в такой исторической ситуации среди людей безнравственности, бесчеловечности, лжи и непорядочности, о крушении социально-психологических основ общества, резко отличающих его от целей, к которым оно стремилось ранее [9, с. 216].

В. Райх, рассматривая сходную историческую модель, свидетельствует о многолетнем извращении в области воспитания и общественной жизни, в результате которого народные массы приобретают биологическую жестокость и социальную безответственность, о том, что интерес к деньгам и власти становится замещением несостоявшегося счастья любви, об апатии населения и его стремлении подчиняться властной руке, об исчезновении тенденций к самоуправлению. «Истины Великой французской революции умерли во французской республике и окончились борьбой за власть политических честолюбцев, невежеством Петена и коммерческими сделками Лаваля. Истины марксистской экономики умерли в русской революции, когда слово “общество” заменили словом “государство”, и на смену идеи “интернационального человечества” пришел национальный патриотизм и пакт с Гитлером» [34, с. 314–318]. Тот же автор полагает, что почву для такого состояния душ и умов создает авторитарная семья, формирующая в собственных детях позицию смирения, покорности и безответственности перед силой, жесткие, конкурентные отношения с равными по положению людьми. Все это, пишет В. Райх, представляет собой формирование психологических структур опорных слоев общества [34, с. 77–85].

Логично сопоставить вышеприведенные мысли русского политолога и немецкого психолога с наблюдениями А.И. Захарова, свидетельствующими, что первичным звеном семейных повреждений "чаще всего оказывается бабушка ребенка по материнской линии, обладающая авторитарными чертами личности» (властность, стремление доминировать в отношениях с окружающими, навязывать свое мнение; излишняя категоричность суждений, их безапелляционность, и в то же время повышенная чувствительность, в сочетании с упрямством, нетерпимостью к другому мнению, подозрительностью и недоверчивостью) [17, с. 131–132].

Эти ее черты, пишет автор, предопределяют такие особенности воспитания дочери, как формальный, недостаточно теплый эмоциональный контакт, навязывание мнений, диктат решений, однозначность суждений и их категоричность, предвзятость оценок; недоверие к способности дочери постоять за себя и убежденность в постоянной опасности извне, от которой надо защищаться; негибкость и односторонность отношений. К этому же относится высокая тревожность, заостренное чувство долга, повышенная принципиальность, т.е. комплекс гиперсоциальных черт характера, дефицит непосредственности, жесткое доминирование в семье и сильное психологическое давление на ее членов.

Результатом становится противоречивость чувств и желаний дочери, ее неуверенность в себе, противостояние навязанного и своего собственного жизненного опыта. Закономерным является противоречивое и непоследовательное, невротизирующее отношение к ребенку, сложные и конфликтные отношения с его отцом. А.И. Захаров отмечает у 60% отцов отсутствие понимания ребенка даже в ситуации невротического состояния последнего.

Такие отцы, отличающиеся эмоциональной неразвитостью и отсутствием родительских чувств, чрезмерно рациональные и принципиальные, всю ответственность за ребенка переваливают на свою жену. В подобных случаях любовь к своим детям обыкновенно не то чтобы просто сдержанна по форме выражения, но и условна: «Я люблю тебя, только если ты того заслуживаешь». Эмоциональная непосредственность, открытость чувств подменяется принципами, условностями, обязательствами рационального плана. За всем этим, как правило, стоит родительский эгоцентризм рука об руку с авторитаризмом, собственническими притязаниями и установками, нередко – соперничество. Трудно ожидать здесь взаимного доверия и уверенности во взаимной поддержке у родителей – обычным становится повышенное нервное напряжение, ожидание стрессовых ситуаций, эмоциональный дискомфорт [17, с. 131].

Подведем итоги сказанному. В отечественной и зарубежной психологии рядом авторов выявлена типология личностей на основе их отношения к Себе и Другому. Эта типология предусматривает в основном четыре типа ориентаций, из которых одна отвечает полному развитию качеств индивидуализации и социализации. По своему личностному содержанию эта ориентация (гуманистическая направленность, жизненная позиция, доминанта жизни, коллективистическая predisposition, автономный тип развития, уверенная привязанность и др. определения) наиболее соответствует формулировке Б.С. Братуся. Один из психологов, разделяющих этот подход, Дж. Баулби, создатель концепции «поведенческой системы привязанности» (ПСП), и его сотрудники и последователи (Hazan, Shaker, 1987; Kirkpatrick, Davis, 1994; Barthelomew, Horowitz, 1991) выявили, что личности, выросшие в семьях с наиболее теплыми взаимоотношениями родителей с детьми и между собою, были более всего способны к переживанию счастья, дружбы и доверия, рассматривали любовь как стабильное, хотя и изменяющееся со временем чувство, были уверены, что большинство окружающих им симпатизирует, и испытывали непреходящее чувство собственной ценности [33, с. 182–185].

Мы, в свою очередь, отметим высокую ориентацию людей типа «уверенной привязанности» или, по нашей терминологии, «гуманистической направленности личности» на общение, высокую степень социальной адаптации в сфере взаимоотношений, повышенную устойчивость к стрессовым ситуациям и в то же время – повышенную тревожность. Представители этого типа личности в наших экспериментах демонстрировали наиболее выраженное принятие других, эмоциональную устойчивость, нормативность поведения. В психологической литературе аналогичная типология личности рассматривается в работах Э. Берна, Ф. Эрнста, И.Д. Егорычевой, М.Ш. Магомед-Эминова, Д.А. Леонтьева.

Описанному типу личности в определенном смысле противостоит «отвергающий близость» тип, в нашей терминологии – «эгоцентрическая направленность личности» – субъект, склонный ощущать некомфортность при установлении близких отношений и предпочитающий независимость – привязанности, при этом сохраняющий позитивный образ «Я». Э. Берн и Ф. Эрнст говорят в этом случае об «оборонительной и подавляющей других позиции».

Д.А. Леонтьев характеризует сходный по своим качествам тип, как импульсивный путь развития и полагает, что для него характерно «неинтегрированное, диффузное, неустойчивое самоотношение скорее с положительным, чем с отрицательным знаком, внутренние критерии принятия решения, но при этом ощущение независимости результатов действий от собственных усилий. Отношение родителей к ним противоречиво; в нем как бы подчеркивается несостоятельность ребенка без явного отвержения. Позитивное в целом самоотношение дает такому подростку внутреннее право на активность, однако неразвитая саморегуляция делает недостижимой подлинную свободу, место которой занимает импульсивный протест, противопоставление себя другим. Структура самоотношения свидетельствует, помимо его неустойчивости, о самопривязанности и отсутствии идеалов. Таким человеком очень легко манипулировать. Рано или поздно он падет жертвой своей импульсивности...» [22, с. 37].

Описанная типология выделяет еще два личностных варианта, отличающихся негативным восприятием себя, в котором отражается неполноценность индивидуализации личности. Это – «негативистская направленность личности» (согласно И.Д. Егорычевой), «страх привязанности» (Бартеломью), «бесплодная позиция» (Э. Берн, Ф. Эрнст), «симбиотический путь развития» (Д.А. Леонтьев). Для людей, вполне принадлежащих к этой структуре личности, характерно отрицание, как себя, так и других, и уверенность, что от любого человека можно ждать в равной степени и добро, и зло, в зависимости от обстоятельств.

«Люди, отнесенные к этому типу, испытывали эмоциональное отвержение и контроль со стороны матери, отношение как к маленьким со стороны отца. Им присуще неустойчивое и в целом негативное самоотношение, зависящее от внешней, прежде всего родительской оценки, чувство личной ответственности за результаты своих действий, но вместе с тем принятие решений, исходя из заданных критериев. Несвобода сочетается здесь с извращенной формой ответственности – с “ответственностью” за реализацию не своих, а чужих ценностей» [22, с. 37]. Наши материалы дают основание полагать, что в ситуации негативистической направленности может оказаться человек в результате длительных непереносимых личностных стрессов, когда у него иссякают силы для сопротивления.

К четвертому личностному типу относятся «социоцентрическая направленность личности» (И.Д. Егорычева), депрессивная позиция (Э. Берн, Ф. Эрнст), «чрезмерная привязанность» (Бартеломью) или «конформный тип» (Д.А. Леонтьев). Люди с такой структурой личности сохраняют позитивный образ других людей, но свой образ «Я» у них остается преимущественно негативным. Как пишет об этом Д.А. Леонтьев, «у людей, относящихся к этому типу, самоотношение неустойчиво, преобладает опора на внешние критерии принятия решения и чувство независимости результатов действий от собственных усилий» [22, с. 37].

По нашим данным, людям этого типа бывает свойственна компенсаторно повышенная агрессия, острое ощущение своей вины, подозрительность, пониженная социальная адаптивность. Есть основания полагать, что в такой личностной ситуации может оказаться человек гуманистического склада, не выдерживающий стрессовой ситуации в связи с недостатком собственных сил.

Как пишет Д.А. Леонтьев, «автономный путь или тип развития является единственным путем, ведущим к достижению личностной зрелости и полноценного человеческого существования. Остальные три из четырех описанных типов, моделей или путей развития личности ведут в тупик. Вступив на один из этих путей (а выбор его во многом определяется особенностями родительского отношения в подростковом и более раннем возрасте), мы попадаем на конвейер, влекущий нас по жизни этим путем. Покинуть его можно лишь ценой больших внутренних усилий. В частности, основная задача любой серьезной психотерапии, какими бы методами она ни пользовалась – направить человека по автономному пути развития. Если эта задача будет решена, он уже больше не будет нуждаться в психотерапии» [22, с. 38].

Это описание четырех путей развития личности будет неполным, если не упомянуть о «зоне неопределенности», лентой лежащей по обе стороны границ этих «путей или типов» направленности личности, где находятся параметры позиций личности, могущие измениться в результате ситуативных причин. (см. рис. 1)

Рисунок 1.

Так, гуманистический тип направленности объединяет с эгоцентрическим область акцентуации индивидуализма с тем или иным оттенком; негативистический и социоцентрический виды направленности – самоуничижительная акцентуация; гуманистическая направленность при непереносимом стрессе может смениться социоцентрической в конформистски акцентуированном варианте; эгоцентризм под влиянием тех же стрессов способен смениться негативизмом, скорее всего в мизантропическом варианте акцентуации [14, с. 264–277].

Три из четырех путей развития, названные Д.А. Леонтьевым тупиковыми, являются, как правило, результатом недостаточной полноты сформированности ведущей деятельности, ответственной за социализацию личности (эгоцентрическая направленность) или за ее индивидуализацию (социоцентрическая направленность). Возможен и вариант «общей» недостаточности развития личности, ведущий к негативизму личностных структур. Как мы уже отмечали выше, такая деформация личности возможна как результат непереносимых стрессов в детстве или в любом другом возрасте. Наиболее типичным отклонением от нормы в наших условиях является, по-видимому, вариант эгоцентрической направленности личности индивидуалистического склада или, реже, гуманистического индивидуализма, с особенностями невротического развития. Это результат эгоцентризма старшего, прародительского поколения с выраженным авторитаризмом и тенденцией к доминированию. Люди, сформированные в таких семьях, часто отличаются неуверенностью, известным конформизмом, крайностями и непоследовательностью поведения (нередко импульсивного), более или менее выраженным эгоцентризмом. Чаще всего по своему исходному складу они – индивидуалисты.

В дипломном исследовании представлений о жизненном пути и ценностях зрелых людей 30–60 лет И.А. Рязанцевой (2001г.) было выявлено, что наиболее низкую представленность у испытуемых имеет мотивационная цель, направленная на понимание, признательность и терпимость и поддержание благополучия всех людей и природы. Значимая мотивационная цель по достижению независимости мыслей и действий у них связана с внутриличностными конфликтами из-за сильного влияния конформистских тенденций.

Ценности, выражающие интересы индивида, доминируют над ценностями, выражающими интересы группы, также как и жизненные задачи, выражающие интересы общества. Весьма показательным, что, хотя создание семьи достаточно значимо для многих наших современников, задачи воспитания своих детей формируются только по достижении детьми десятилетнего возраста. Собственно, практически основное время педагогической деятельности семьи проходит вне всякой осознанной цели этой деятельности.

Мы полагаем, что проведенное И.А. Рязанцевой исследование в общих чертах поддерживает наше, изложенное выше предположение. К сходному выводу приходит Ю.В. Александрова: «В среднем у современного взрослого они (самоотношение и отношение к другому – О.Л.) находятся в соотношении, позволяющем сказать, что он живет в системе отношений – “Я – Чужие”, причем воспринимает чужих как средство удовлетворения своих потребностей» [1, с. 44].

Еще в первой трети 80-х годов наши исследования показали, что не менее трети школьников – подростков обнаруживали устойчивую тенденцию к эгоцентрической мотивационной структуре личности; подавляющее число испытуемых юношеского возраста обнаруживало индивидуалистическую структуру личности в двух третях эгоцентрической, в одной трети гуманистической направленности [27].

К сходным заключениям приходит Б.С. Братусь, говоря, что «человек может быть вполне психически здоровым (хорошо запоминать и мыслить, ставить сложные цели, находить к ним верные пути, быть деятельным, успешным, самодостаточным и т.п.) и одновременно личностно ущербным, больным: не координировать, не направлять свою жизнь к достижению человеческой сущности (религиозный мыслитель сказал бы – к Образу Божьему в человеке), удовлетворяться суррогатическими целями. Кстати, если говорить о тенденциях современного общества, то приходится с грустью признать, что для все большего количества людей становится характерным этот диагноз: психически здоров, но личностно болен /.../. Наши данные также показывают, что отклонения личности, невротическое развитие тесно связаны с эгоцентрической ориентацией человека, в то время, как наиболее благоприятные условия для развития личности создает противоположная эгоцентрической просоциальная ориентация» [7; 42].

По данным дипломного исследования А.А. Штейниковой (2001г.), качества директивности и непоследовательности позиции родителей в глазах подростков устойчиво положительно коррелируют между собой (коэфф. корр. 0,41 при $\alpha=0,05$ и $df=24$). Авторы коллективной монографии, которые провели в середине 90-х годов массовое психологическое обследование подростков Московского региона Центральной России, пришли к выводу, что подростки в своих анкетах отметили, прежде всего, непоследовательность воспитательной тактики своих матерей и отцов, их отстраненность во взаимоотношениях с детьми, вплоть до безразличия. Реже – их враждебность, или позитивный интерес к детям, и на последнем месте – прямую директивность. Общая картина детско-родительских отношений рисуется авторами исследования таким образом: отношение родителей к подросткам в семьях чаще всего весьма безразлично, для них характерен невысокий уровень требований и контроля, которые лишь в ситуациях «чрезвычайных происшествий» заменяются строгостью и санкциями. Это приводит к впечатлению непредсказуемости поведения старших в глазах младшего поколения [13].

Дипломное исследование С.В. Давыдовой (1999 г.) показало, что практически 90% семей, чьи дети посещают подготовительную группу детского сада в Москве, обнаружили неблагоприятный эмоциональный климат для ребенка. В 70% семей было выявлено или скрытое эмоциональное отвержение ребенка, или гипопротекция, или доминирующая гиперпротекция. Несмотря на небольшую выборку (20 семей), она дает известное представление о психолого-педагогическом неблагополучии значительной части испытуемых семей – 55% из них оказались явно конфликтными. Дипломная работа Е.М. Шимковой (1999г.) выявила 35% семей (из выборки в 40 семей подростков,

учащихся 8-х классов общеобразовательной школы одного из регионов Центральной России), имеющих явные дефекты воспитания – восприятие ребенка по типу «Золушки» (скрытое эмоциональное отвержение), доминирующую гиперопеку и гипопротекцию.

Наконец, дипломное исследование Л.Я. Язубчик (1999), проведенное в 6-х классах специальной коррекционной школы в Новосибирске, установило практически общую для всех 28 испытуемых младших подростков, с признаками замедленного умственного развития, особенность: тяжелые, по большей части даже враждебные отношения с родителями. В то же время в школе, где учатся эти ребята, педагогам удалось установить в классах благоприятную эмоциональную атмосферу, организовать относительно высокий уровень сформированности совместной деятельности АИ-ЛГ УСД (АИ – активно-исполнительский, ЛГ – лично-групповой уровни совместной деятельности (УСД)). Результатом оказался рост просоциального поведения и, главное, увеличение процента социальных установок гуманистического характера (до 78,5% – в одном классе, 99,9% – в другом). Автор этого исследования делает вывод, что ситуация высокого УСД и благоприятного эмоционального климата в классах способны существенно оптимизировать перспективы развития младших подростков, даже при условии неблагоприятной нравственной обстановки в семье.

Не претендуя на абсолютизацию выявленных закономерностей, тем более, маловероятную для всех регионов России, мы все же полагаем, что изложенные материалы дают право предположить следующую логику развития событий.

Более чем четырехвековая практика господства авторитарных отношений в самодержавном, а затем в советском государстве, способствовала формированию к концу XX – началу XXI века у значительной части населения России и СССР авторитарных социальных отношений не только в общественном взаимодействии, но и в семье. События двадцатого столетия – войны 1905 и 1914 годов, революционные катастрофы, сталинская «зачистка» общества, общая тоталитарная ситуация в стране. Великая Отечественная война, когда наиболее гуманистически ориентированные люди в первую очередь шли на фронт и гибли, заслоняя собой общество. Послевоенные репрессии конца сороковых годов – начала пятидесятых, афганская война конца 70-х – 80-х годов и нравственный шок девяностых годов способствовали «вымыванию» из социума России значительной доли людей с гуманистической жизненной позицией.

Старшее сохранившееся поколение, во многом авторитарное по своим жизненным ориентациям, и в связи с этим эгоцентричное в семейных отношениях (в значительной степени это относится и к матерям), личностно сложившееся в тридцатые – сороковые годы XX века, сформировало поколение российских родителей середины столетия, внутренне неуверенных и противоречивых, но в значительной своей части авторитарно настроенных и эгоцентричных по отношению к своим детям.

Социальные потрясения конца столетия усилили неуверенность общества, уже лишенного гуманистических основ общественного мнения. Результатом оказалась неудовлетворительная атмосфера семейных взаимоотношений к концу века. Ситуацию еще больше дестабилизировало усиление авторитарных тенденций советской, а позднее – российской системы образования, в частности, партийно-государственное подавление попыток организации гуманистического общественного воспитания в шестидесятые – семидесятые годы. Результатом оказалось то, что, **мы имеем социальную недостаточность нашего общества. Ее проявлением стало падение уровня культуры в стране, понижение нравственных норм общественных отношений до уровня, угрожающего уже существованию самого социума.**

Афганская и чеченские войны, произвол и «дедовщина» в армии, развал страны и локальные конфликты еще более усилили этот процесс, увеличивая в обществе процент людей с «удвоением личности» – катастрофическим изменением сознания в результате несовместимости жестких требований ближайшего окружения социальной среды с нормами обычной позиции личности и ее самоотношением. Все мысли, убеждения, действия и роли, связанные с пребыванием в этой непереносимой ситуации, организуются в независимую систему, частичное «Я», которое полностью согласуется с требованием данной группы и данной среды, но происходит это не по свободному выбору личности, а как инстинктивная реакция самосохранения в психологически безвыходных условиях.

Новое частичное «Я» действует как целостное «Я», устраняя внутренние конфликты. При таком «удвоении» обе «личности» знают друг о друге, и все-таки действия «злой» половины не несут немедленных последствий для той части личности, которая «не несет в себе зла». Подобная

психологическая способность к перенесению невыносимых социальных условий присуща человеку генетически и может быть для него спасительной, хотя и влечет за собой тяжелейший посттравматический стресс [28]. Возвращение к нормальной жизни жертв «удвоения личности» в принципе возможно и тем более вероятно при помощи психологов, тактичного поведения близких, а также – если сама личность формировалась в благоприятных условиях и отличалась стрессоустойчивостью, свойственной гуманистической ориентации.

К сожалению, в современных российских условиях об этом можно говорить далеко не всегда. Отсюда – тяжелые, иногда трагические последствия для окружающих, и в особенности для семей людей, переживших «афганский», «чеченский» и прочие стрессовые синдромы, во многом перекрывающие своей остротой аналогичные синдромы большинства участников Великой Отечественной войны [35]. По данным лаборатории психологии посттравматических стрессовых состояний РАН, таким синдромом страдает почти пятая часть вернувшихся с войны. Через чеченскую войну прошли к настоящему времени 600 000 человек. Одна пятая – это 120 000 человек – «больных, непредсказуемых, незащитных и опасных» [35].

Об этой, психолого-педагогической стороне политических событий и войн, неплохо бы вовремя вспоминать политикам, развязывающим вражду народов с народами. Чтобы дать представление о серьезности проблемы и ее масштабах, приведем некоторые данные. В афганской войне погибли 15 000 российских солдат и полтора миллиона афганцев – пушту, дари и других племен, по большей части не бойцов, просто жителей. Во время Второй мировой войны на одного убитого солдата вермахта приходилось шесть жертв – погибших солдат и мирных жителей народов, воюющих с гитлеровской Германией. В афганской войне аналогичное соотношение – один к ста. Таковы масштабы карательных акций двадцатого века. В частности, как сказал И. Вердиян, армейский журналист: «Непризнанные геноциды – порождают террор. Этот способ возмездия нынче стал моднейшим прикидом отчаявшихся, политическим шлягером... Террор – уродливое дитя малых чисел». Было бы легкомыслием думать, что все эти акты мирового насилия на многие десятилетия не отзовется в менталитете будущих поколений у самых разных народов [12, с. 12; 29, с. 4; 30, с. 13].

Отмеченные тенденции социально-психологической ситуации в России, если они даже частично соответствуют реальности, заставляют обратить самое серьезное внимание на семейные условия формирования личности российских граждан. Необходимо вспомнить слова фронтовика Великой Отечественной, замечательного ученого, генетика и психолога В.П. Эфроимсона: «Наша жизнь, наше существование в огромной мере определяется тем целеполаганием, которое складывается еще в детстве, обычно под влиянием матери. Именно интеллигентная мать очень рано подводит ребенка к вопросу, который ему нужно решить: или я – за себя, или я – за других. Или я – за людей, или люди – для меня...» Если я за людей, то мне предстоит нелегкая жизнь. С бесчисленными разочарованиями, несправедливостями. Но выбор надо делать. В конце концов, от этого зависит, сдвинемся ли мы с мертвой точки, или «перестройка» захлебнется и завершится таким экономическим развалом, таким чудовищным падением политического престижа Советского Союза, что ему придется еще десятки лет влачить полунищенское существование «развивающейся страны», имеющей ядерную бомбу. Бой нам всем предстоит жесточайший. «Покой нам только снится!» [44, с. 494].

Эти слова были сказаны ученым корреспонденту «Огонька» в октябре 1988г., за три года до развала государства и до начала того падения престижа некогда могущественной страны, о котором шла речь в интервью. Пусть современного читателя не удивят слова «интеллигентная мать». Эфроимсон, как и мы, понимает «интеллигентность» не как синоним «образованности» или «соответствующей профессии», но, прежде всего, как полноценность личностного развития, исключаящую использование другого человека в качестве вещи – средства реализации собственных интересов.

Сказанное заставляет нас обратиться к рассмотрению нормальных условий семейного воспитания, которые могут стать ориентиром для движения общества в исторически необходимом направлении – формирования нового социально полноценного поколения российских граждан. Выше мы уже высказывались по поводу значимости внутрисемейной нравственной атмосферы для формирования смысловых структур личности ребенка. Осталось сказать о психологической подготовке завтрашних родителей к сознательному строительству семьи и своей родительской роли в ней. Согласно исследованиям конца 90-х годов, российские подростки, приобретая опыт безраз-

личных и формальных отношений в семье, теряют представление о ценности семейной жизни, как и представление о привлекательности личностного стереотипа «хорошего семьянина». Если взрослые институты придают большое значение психологической ценности поддержки супругами друг друга, то старшеклассники скорее сориентированы на значимость сексуальной гармонии между супругами как на основной фундамент супружеской жизни. Это само по себе уже может косвенно указывать на приоритет эгоцентрического отношения к семейной ситуации. Оно делает наших старшеклассников значительно менее зрелыми в возрастном плане, по сравнению с их европейскими ровесниками из развитых стран [38].

А.И. Захаров отмечает преимущественно альтруистическое начало в родительском, как он выражается, инстинкте. «Материнский инстинкт, – пишет он, – основополагающий в нашей жизни и направлен на выживание потомства, заботу о нем. Отцовский инстинкт менее устойчив, более сексуально детерминирован и ориентирован главным образом на защиту матери и потомства». Оба они, полагает автор, есть, прежде всего, преломление инстинкта самосохранения в виде инстинкта продолжения рода. «Не подлежит сомнению социальная его обусловленность, поскольку человек может выжить только в сообществе, и на него сильное влияние оказывает пример родителей и нормы, принятой в обществе. В противоположность инстинкту самосохранения инстинкты материнства и отцовства альтруистичны, подразумевают жертвенность и бескорыстие» [18, с. 13–14].

В логике этого автора у нас вызывает согласие, прежде всего, альтруистический (точнее сказать – гуманистический) характер тенденции чувств родителей. Можно спорить о применимости термина «инстинкт», но если установка на хотя бы относительную (2–3 ребенка) многодетность не продиктована национальными обычаями, экономической необходимостью или низким уровнем интеллекта, то гуманистический ее характер не подлежит сомнению.

Это так, во всяком случае, в ситуации современной городской культуры в России, где экономическая неустойчивость и отсутствие уверенности в завтрашнем дне уже сами по себе в достаточной мере служат доводом в пользу единственного ребенка, которому можно обеспечить достойное будущее. В другом месте А.И. Захаров прямо связывает нежелание иметь детей с эгоцентрической направленностью личности матерей. Единственному ребенку, в свою очередь, угрожает опасность эгоцентрической ориентации поведения. У него вполне вероятны достижения высокого уровня интеллекта, самооценки, потребности в достижениях. Он более самолюбив, менее контактен в общении и обладает меньшей способностью к эмпатии, чем его ровесники, имеющие братьев и сестер. У него выше риск болезни и смерти – в несколько раз выше, чем у второго, третьего, четвертого ребенка в семье (но не более, чем у пятого!).

Еще одна опасность для единственного ребенка – завышенные требования к нему со стороны родителей. Эти требования нередко проявляются в чрезмерно ранних и интенсивных занятиях иностранным языком, математикой, компьютером при отсутствии подвижных игр, непосредственного выражения чувств, жизнерадостности. В связи с перенапряжением у таких детей совсем нередкое явление – неврастения. Она затрудняет реализацию способностей ребенка и обостряет его эмоциональную реакцию на неудачи. В результате, как пишет А.И. Захаров, мы видим известную ситуацию с разбитым корытом... [18, с. 11–13].

А.А. Кроник и Е.А. Кроник полагают, что, как правило, отношение родителей к детям характеризуется постепенным возрастанием переживания психологической близости. В их исследовании отмечено, что по мере взросления до 19–26 лет отношение родителей к ним переживается как все более близкое. Максимум близости с детьми (теоретически, с позиции старшего поколения) способен совпасть, как считают авторы, с тем возрастом, когда дети сами становятся супругами и родителями (25–27 лет).

Отношение детей к родителям отмечено иной динамикой. Максимум близости складывается здесь чаще всего до 12–13 лет, а с наступлением подросткового возраста, как правило, наступает отдаление. Периодами наибольшего отдаления от родителей являются 19 лет – с матерью, 16 лет – с отцом. На этом фоне становятся объяснимы смысловые «ловушки», в сетях которых оказываются родители – типичные, средние по своим качествам, «семейные эгоцентристы». Им представляется, что их дети всегда будут с ними так же близки, как в детстве, до 12–13 лет, и они от «чистого сердца» наставляют своих чад не тратить силы и время на тех людей, которые «не нужны». Бед-

ные люди, они не понимают, что с достижением 15–19-летнего возраста своих детей они сами попадут в этот разряд.

Принадлежность родителей к нему станет для младшего поколения еще более очевидной, когда дети обзаведутся собственными семьями, станут экономически независимыми и, чем выше был семейный эгоцентризм родителей, тем глубже будет со временем эгоизм младшего поколения. Вероятно, этим в какой-то мере объясняется обилие стариков в соответствующих домах-интернатах (причем далеко не всегда их дети – малоимущие!). В более благополучных вариантах возврат к близости с родителями можно наблюдать в среднем после 25–26 лет. Отчасти его можно объяснить тем, что они снова становятся практически необходимы в качестве «бабушек». Иная, более благополучная динамика привязанности складывается в семьях, исповедующих гуманистические межличностные отношения (открытое общение, основанное на диалоге, бескорыстная взаимопомощь, взаимная забота и аналогичное отношение к окружающим).

Наш опыт (А.А. Штейникова, 2000г.) свидетельствует, что достаточно продуктивной может оказаться психологическая подготовка будущих родителей к предстоящей им роли на уровне ранней юности (10–11 классы школы, первые курсы дневных отделений институтов). Основной центр тяжести в этой подготовке должен ложиться на вопросы возрастной и педагогической психологии воспитания, психологии межличностных отношений взрослых людей, психологической специфики мужчин и женщин. Опыт показывает, что именно ранний юношеский возраст наиболее чувствителен к информации, касающейся его ближайшего будущего (ведущая деятельность ответственна за индивидуализацию!).

В отличие от подросткового возраста, ориентированного на совместную социально актуальную деятельность, ранний юношеский возраст может удовлетвориться информацией доверительного характера, переданной в беседе с психологом, даже на лекции, на семинаре, в тренинговой группе. Аналогичные способы можно использовать и в работе со старшими (15–16 лет) подростками, но в принципе тогда они должны иметь психологическую опору на групповую педагогически организованную деятельность достаточно высокого уровня (АИ – ЛГ); иначе на результативность такой попытки рассчитывать будет трудно.

Теперь, когда для нас очевидна высокая степень целесообразности гуманистического воспитания младшего поколения граждан России не только для их собственного блага, но и для сбережения их Родины, т.е. их собственного социума, есть смысл остановиться на более детальном рассмотрении условий нормального развития ребенка в семье. А.И. Захаров приводит одиннадцать наиболее общих факторов, негативно влияющих на личностные особенности, нервные и поведенческие расстройства у детей младшего возраста.

Среди них – нежелательность или преждевременность появления на свет ребенка; несоответствие пола ребенка – ожидаемому его родителями; преждевременные или запоздалые на срок более двух недель роды; выраженные отклонения в ходе родов (отсутствие схваток, преждевременное, свыше 12 часов, отхождение вод, отсутствие крика при рождении, родовые повреждения и хирургические вмешательства при рождении, более продолжительное время, чем для других детей ребенка не приносили к матери); первичное беспокойство (нервность) ребенка, частые болезни, подверженность инфекциям, аллергия; гиперопека со стороны взрослых или отсутствие всякой заботы, ясельное воспитание; чрезмерные ожидания успехов от ребенка, повышенные требования к его возможностям, в связи с этим – частые порицания и наказания; повышенная строгость или чрезмерная мягкость и вседозволенность в обращении с ребенком; эмоциональная неудовлетворенность родителей его поведением из-за его темперамента, активности, интересов и увлечений; отсутствие согласия, конфликты в семье, противоречия в подходе взрослых членов семьи к воспитанию; наличие сильных стрессов, эмоциональных потрясений и нервных срывов у родителей.

В отечественной психологии вполне установилось понимание, «что личность людей складывается только в их отношениях с окружающими людьми, и лишь в отношениях с ними функционирует этот, по меткому замечанию Э.В. Ильенкова, “конкретный ансамбль социальных качеств человеческой индивидуальности” (1979)» [24, с. 51]. Добавим, что в младенческом возрасте решающее значение для возникновения этих отношений имеет отраженная в поведении взрослого его позиции взаимодействия с ребенком.

В норме взрослый с самого начала относится к младенцу как к субъекту и ведет себя с ним как партнер по общению, «авансом наделяя его действия смыслом и значением» [24, с. 51]. Так рождается диалог. Заинтересованное внимание взрослого обращено к разным чувствам ребенка и в своем комплексе порождает не сравнимые ни с чем другим яркие, переменчивые и лично адресованные ребенку воздействия [24, с. 39]. Без этого внимания не развивается потребность в общении (коммуникативная потребность). Тем самым именно активное обращение взрослого к младенцу, опережающее его развитие, закладывает основу процесса социализации личности, становится залогом ее возможной гуманизации.

М.И. Лисина отмечает поэтапность развития функций: дело начинается с пробуждения у ребенка познавательного интереса к взрослому, несколько позднее появляется аффективное отношение к людям и предметам, и вслед за этим формируется инициативное поведение, предполагающее оценку окружающих. Там, где нет эмоционально окрашенного интереса и активного действия взрослого, формируется ущербное взаимодействие – неполноценная ведущая деятельность младенца, лишенная с его стороны достаточного внимания и интереса [24, с. 49].

В ситуации, когда взрослый систематически обращался к нему как к личности, к любимому партнеру по общению, коммуникативная деятельность младенца, по выражению М.И. Лисиной, «бурно расцветала» [24, с. 52]. Другими словами, уже первые недели жизни ребенка формируют его личность в решающей зависимости от отношения к нему близких взрослых – личностных воздействий взрослого. Стоит ограничить отношения уходом, и только им – неполноценность социализации уже заложена.

Об этом пишет В.Д. Берестов: «Приходилось ли вам, наклонясь над колыбелью, видеть, как лежащий лицом в небо (его основная поза) младенец буквально прыгает вверх, навстречу ласковому взгляду и добрым словам? Ему даже удастся на миг оторвать тельце от кровати. Как он видит вас при этом? Ваше лицо, наклоненное к нему огромно, оно заполняет почти все пространство над ним. Любящий взгляд льется на него как бы с неба, да и может прийти только с неба. Давно собирался написать про это стихи, а вышла проза: “Младенчество – это твои глаза, поднятые к небу или потолку. К белому небу потолка и синему сияющему потолку неба. Оттуда возникают лица родных, к которым ты тянешься. Огромные, сияющие, как светила. Лица, похожие сразу на солнце и облака. А если ты, проснувшись, видишь черноту ночи, то плачешь, пока не появится в ней родное лицо и не послышится добрый голос./.../ Сколько ласковых глаз сияло надо мной! Привык, что все меня любят, и когда научился ходить, говорить, стучался в любую дверь. «Кто там?» И я, как вспоминают земляки, отвечал: «Валюшка Берестов», с ударением на последнем слоге./.../ Став взрослым, никак не мог привыкнуть, что кто-то мне не рад и вообще не ждет от меня ничего хорошего”» [4, с. 29–31].

Начиная с полугодовалого возраста, психологическая ситуация взаимодействия ребенка со взрослым усложняется. Личностный мотив непосредственной привязанности к взрослому сменяется деловым мотивом – теперь «пустая», ни с чем не связанная ласка начинает раздражать малыша, заставляя его увертываться от ласковой руки. Нужна совместная деятельность, нужно сотрудничество, общая со взрослым игра с предметом [24, с. 67–68].

Это – первый шаг к процессу индивидуализации и одновременно к способности сотрудничества. Развертывание деловой мотивации продолжается и далее, вплоть до двух с половиной – трех лет. В это время взрослый – образец для подражания, эксперт по оценке умений и знаний малыша, но главное – он партнер по игре, которому ребенок несет свои игрушки, с которым он стремится играть если не вместе, то хотя бы рядом, чтобы можно было показать очередное свое «достижение». Таким образом, развитие процесса индивидуализации опирается на достигнутый уровень социализации и ведет ее за собою. С трех лет круг предметной деятельности ребенка расширяется; взрослый воспринимается как источник познания, и на ведущую роль в этом общении выдвигается потребность встретить в лице близкого взрослого внимание и уважительное сотрудничество [24, с. 68]. Этот рубеж знаменует выдвижение социализации на первый план; теперь индивидуализация уже зависима от ее, социализации, развития, от ее успехов. В конечном счете, от поддержки взрослого в это время зависит успех познавательной активности ребенка.

*«Не бойся сказок. Бойся лжи.
А сказка? Сказка не обманет.*

*Ребенку сказку расскажи –
На свете правды больше станет»*

В. Берестов

Сказки в этом возрасте (3–4 года) дети действительно любят слушать. За этим их интересом стоит мотив познания общих законов мироздания, стоящих за пределами чувственного предметного опыта. Обратимся к анализу диспозиционных структур личности. Д.А. Леонтьев пишет, что первые три системы саморегуляции поведения человека (логика удовлетворения потребностей, логика реагирования на стимул, логика предрасположенности) являются общими для животных и человека. «Любое животное может себя вести в русле этих трех логик или их конstellляции. Четвертый ответ уже специфичен для человека, но не специфичен для личности: “Потому, что все так делают”».

В.В. Столин (1983) ввел понятие «социальный индивид»; которое описывает именно эту логику – «логику социальной нормативности», социальных ожиданий, где критерием регуляции выступает соответствие определенным ожиданиям значимой социальной группы» [23, с. 324]. Можно спорить о чисто «человеческой принадлежности» логики «социальной нормативности»: вспомним регуляцию поведения стадных высших млекопитающих. Но одно несомненно – после трех лет ребенок практически способен реализовать социальное начало в своем поведении. А именно – кто-то из круга близких для него людей входит в состав «референтной группы», на требования которой он способен ориентироваться в своем поведении.

С этого момента становится особо значимой степень взаимной информированности родителей и детей, прямо пропорциональная кругу затронутых сфер и богатству тем общения. Согласно исследованиям Н.В. Тарасовой «чем шире сферы общения, т.е. чем разнообразнее виды жизнедеятельности, в которых происходит общение, и чем богаче темы, т.е. содержание общения, тем полнее взаимная информированность. От содержательной стороны общения зависит количество и качество получаемой ребенком информации, помогающей ему познать самого себя и окружающий его мир» [25, с. 109]. Необходимой составляющей такого общения является высокий уровень взаимопонимания его участников и их доверительности. В это время уровень положительной социализации ребенка в семейном кругу вполне определяет достижимый для него уровень индивидуализации [25, с. 110–111].

Высоко значимой деятельностью в развитии ребенка в этот период становится игра. Она переходит в ранг ведущей деятельности. С этой ее ролью связаны, во-первых, ее содержание, обусловленное, прежде всего, смыслом игры, т.е. символической позицией взрослого человека, которую берет на себя играющий ребенок, и, во-вторых, ее смыслообразующая функция: игра не только обладает смыслом, присущим только ей и позволяющим включать в ее сферу иные виды и формы деятельности, принимающие смысл игры. Она способна порождать новые смыслы, создавать импрессионги, определяющие отношение человека к миру и его объектам на годы и десятилетия вперед.

В сущности – от трех и до шести – семи лет в руках близких к ребенку взрослых оказывается уникальное средство, позволяющее заложить фундамент мировосприятия (в первую очередь – в социальном плане). Это отражено в старинном народном присловье: «Как ребенок играет, так он и жить будет...» Поэтому внимание родителей к игре своих детей, в особенности в старшем дошкольном возрасте, когда у ребят еще нет тесной группы сверстников, замыкающих игру в свой, отдельный от взрослых круг, способно существенно помочь формированию основ его личности. При этом у взрослых две задачи – дать жизненный материал для игры и выступить в этой игре достойным партнером.

Один из путей подготовки материала для игры – чтение ребенку специально подобранных книг, обращающих его внимание на жизненные впечатления, которые могут стать основой хорошей игры. Если мы хотим вырастить доброго и сильного человека, он именно таким должен чувствовать себя в предложенной нами игре.

К наступлению старшего дошкольного возраста (шесть-семь лет) у ребенка формируется центральное личностное новообразование, характеризующее его отношение к себе, к людям, к окружающему миру. Возникает жизненная позиция личности, способная к развитию, нуждающаяся в поддержке со стороны Взрослого мира и в то же время, особенно при поддержке со стороны значимых близких, способная стать фундаментом зрелой личности в будущем.

Игра, по существу, есть моделирование социального мира с точки зрения определенной позиции субъекта. Не повторяя известных истин о поэтапности развития ролевой игры, о ее значении в личностном развитии дошкольника, обратим внимание на полученные в дипломном исследовании В.А. Бондарцевой материалы, свидетельствующие, что у детей – старших дошкольников северного города Муравлянка в 66% случаев был выявлен низкий уровень восприятия социальных отношений. Анализ материала показал, что низкий уровень социализации и рост индивидуализма у этих детей связан с широким распространением технических игр, прежде всего – компьютерных, которые приводят к затормаживанию развития психики детей на уровне предметно-манипулятивных игр и слабой развитости сюжетно-ролевых.

Выяснилось, что дети, предпочитающие игры, берущие свое начало в зарубежных стандартных фильмах, оказались наименее восприимчивыми к социальным отношениям. В.А. Бондарцева пришла к выводу, что игра с компьютером и просмотр зарубежных телепередач без специального отбора может оказать положительное воздействие на социализацию личности лишь в значительно более позднем, нежели дошкольный, возрасте, а в рассматриваемый период игры на этом материале ведут к нарушению развития у ребенка социальной перцепции. Асоциальные и антисоциальные мотивы игр, на основании материала, почерпнутого из СМИ, формируют барьеры на пути формирования механизмов социального восприятия, в сущности – порождают их неполноценность.

Автор заключает свои наблюдения выводом, что формированию социального восприятия способствуют сюжетно-ролевые игры на жизненном, в том числе бытовом, материале (профессиональная тематика, «дочки-матери», «магазин» и др.), в то время как игры на основании стандартных телесюжетов, сюжетов на криминальные темы, технические и компьютерные игры тормозят и разрушают социализацию дошкольников. Родители, как выяснилось, как правило, не принимают активного участия в разработке игр для своих детей. Характерно, что, по мнению большинства родителей, их дети, «невосприимчивые к социальным отношениям», предпочитают общение с более младшими детьми, и лишь немногие, «очень восприимчивые», предпочитают играть со взрослыми.

Этот факт можно расценить как еще одно доказательство низкой интенсивности общения со своим ребенком у родителей, «невосприимчивых к социальным отношениям детей», поскольку именно от активности близких ребенку взрослых зависит формирование его социализации. Она развивается в межличностном пространстве общения, заполненном ведущей деятельностью – игрой. В сущности, речь идет о становлении полноценной или неполноценной ведущей деятельности дошкольника.

Обратимся к детским воспоминаниям Т.И. Александровой, замечательной художницы, писательницы, автора знаменитого во многих странах «Домовенка Кузьки». Рассказывая о довоенной Москве, она пишет о новогодней елке в Колонном зале, когда ей, мечтавшей в свои шесть лет об игрушечном мишке, вручили другой подарок – куклу в клетчатом платьице.

У девочки – полное расстройство. Она с сестрой едет домой. В вагоне трамвая девочку притиснули в толпе «к большой железной палке, упиравшейся в потолок вагона. Тогда во всех вагонах были такие палки. И вот об нее-то я и стала стучать свой несчастный подарок. Трясая и подпрыгивая трамвай. Менялись вокруг руки, спины и хлястики. А я все стучала и стучала свою куклу мордочкой о железную палку. На одной остановке вылезло сразу много народа. На площадке стало свободнее и светлее. Я посмотрела на ненавистную куклу. Маленькая замурзанная рожица, на носу розоватый лоскуток, будто сорванная кожа. Серьезные и печальные глаза смотрят прямо на меня.

И тогда я уткнулась лицом в ее синее, в цветочек, платье и поливала его слезами всю оставшуюся дорогу. От остановки я несла ее в теплых варежках, дышала на нее, чтобы она не озябла, а дома положила на кровать под одеяло. И с тех пор это была самая любимая моя кукла, даже не кукла, а подруга. Вечером я рассказывала ей сказки, а днем брала в самые лучшие игры» [3, с. 54–55]. Когда Таня Александрова выросла, она в двадцать лет записала в дневнике: «Какой я человек? Оказывается, я сама совершенно не знаю. Не хватает мне мудрости жизни, но данные сильного, большого человека – есть: и я постараюсь быть им, быть достойной себя. Я – это я, жизнь у меня одна, одна жизнь! И жить так, как я хочу (в главном, конечно), стать таким человеком, каким хочу. Жизнь одна и страшно, если она пройдет без следа для людей, прожить и уйти – слишком дорога жизнь для этого. Ведь больше никогда я не буду на земле, не увижу, что сделали и как живут люди» [5, с. 472].

И она стала замечательным художником, автором очень хороших детских книг, а главное – сильным и добрым человеком, рядом с которым по выражению друзей, всегда возникала поэзия. Истоки этой личности, несомненно, лежали в семье, когда, по словам ее сестры-близнеца Н.И. Александровой, «будучи совсем маленькими, мы принимали окружающий мир естественно, как бы из рук наших взрослых. Отец мог все, и в те короткие дни, когда он был дома (отец был инженером по лесосплаву, а мама – врачом-невропатологом), он создавал прекрасные миры: вот появляются фотографии далеких чудесных мест, откуда он сейчас вернулся, вот из-под пилки-лобзика появляется караван верблюдов, а потом – лучи солнца и в них – самолетик, и солдатики, и домики. Попутно – немногословные, предельно выразительные рассказы обо всем. Наша милая Матрешенька готовит большие, во весь противень пироги, или плюшки, или просто круглые булочки для всех, а несколько смешных и маленьких – для нас, детей. А мы успеваем наделать из теста и человечков, и собачек, и всяких финтифлюшек, – тоже для всех» [5, с. 461].

Татьяна Александрова воспринимала в детстве сказку как импульс к действию, к игре. В свое время К. Чуковский определял игру как материализацию сказки. В одном из своих рассказов Т.И. Александрова пишет, как сестра усаживала их няню Матрешеньку читать им свои любимые сказки, но прежде требовала, чтобы она подтвердила: лягушка обязательно станет царевной? Вырастая, девочка и сама придумывала сказки, вплетая их в общую игру.

Воспоминания и свидетельства современников дают уверенность, что эти дети росли в условиях детства, полноценного по уровню отношений между собою и взрослыми, обеспечивающими полное развитие ведущих деятельности и с ним – полное развитие личности. Не случайно поэтому Т.И. Александрова по своим личностным чертам наиболее полно выражает качества лучшей части русской интеллигенции и, прежде всего, – гуманизм, признание другого человека целью, не средством в своих глазах. По-видимому, правы были наши предки, говоря: как ребенок играет, так он и жить будет! С этой точки зрения более чем тревожны наблюдения А. Новикова, опубликованные в газете: «В Рыбинске иду мимо спортивной площадки и вижу почти невероятно странное: мальчик десяти лет сидит поверх своего ровесника и отбивает ему почки. Я даже глаза протер. Подумал: драка. Нет, не драка. В спецназ играют. Причем, судя по реакции того, кому отбивали (руки его были привязаны к железным турникам), играли всерьез. Проще говоря, ребята баловались тем, что пытались друг друга».

Еще одна сцена (увиденная в Рыбинске буквально на следующий день): девочка девочке что-то отбивает. Держит за горло одной рукой, а другой удары наносит. Спрашиваю, что происходит. Ответ: она мне долг не отдала» [31].

Негативный вариант социализации вполне очевиден. Так же очевидно, что столь явно проявиться он мог только (и – вследствие) при отсутствии поддержки взрослыми положительной, конструктивной социализации. С взрослением детей все большее значение приобретает не только эмоциональное, но и деловое общение в семье. При этом особое значение имеет, с одной стороны, широта интересов и сфер взаимодействия детей и родителей «не в каком-либо одном, а в разнообразных видах совместной жизнедеятельности: в учении, игре, в бытовом труде, отдыхе. Важной формой общения в семье является дружеский разговор, свободная беседа родителей и детей» [25, с. 109].

Другой важной стороной общения в семье являются «деловые отношения, обусловленные совместным бытовым трудом, определенным распределением обязанностей, ответственностью. Очень важно, чтобы деловые взаимоотношения складывались не только между супругами, но и между родителями и детьми» [25, с. 115]. Одним из типичных нарушений сферы семейных взаимоотношений в условиях города является отстранение детей от хозяйственного быта с уверенностью, что «основной труд ученика – учеба», а все остальное – необязательно. Таким образом, можно успешно вырастить убежденного иждивенца, а время от времени, по необходимости требуя от него помощи, испортить с ним отношения. В реальности же посильное участие в хозяйственных семейных заботах, начинаясь с полуигрового, может занимать время ребенка уже с 4–5 лет.

Наступление подросткового, с 11–12 лет, возраста, является, по существу, рубежом, на котором проверяется степень, так сказать «профессиональной компетенции» старшего поколения в своей родительской роли. В семьях, где до наступления этого времени уже сформировались дружеские взаимоотношения, тем более – основанные на совместной деятельности, носящей бескорыстный характер заботы и помощи людям, внешнего по отношению к семье окружения, так называемые

«трудности» подросткового возраста практически ощущаются мало. Семья в такой ситуации воспринимается подростком как референтная группа, мнение которой для него в достаточной мере значимо. При этом общение его с ровесниками не ограничивается, но становится более избирательным.

Существенную роль в становлении личности подростка, как и в более ранние годы, играют взаимоотношения родителей. В то же время, как отмечено Л.К. Емельяновой [15, с. 63], подростки склонны ориентироваться на родителей в плане выработки у себя наиболее ценимых ими личностных качеств. Поэтому внимание подростка вызывают и особенности взаимоотношений супругов, как правило, принимаемые им за норму семейных взаимоотношений. Поэтому неблагополучие или, наоборот, благополучие семейной атмосферы имеет тенденцию оказывать влияние на два последующие поколения.

Дипломное исследование О.Б. Нурлигаяновой (1998) показало, что наиболее велики шансы на употребление наркотиков у подростков с соглашательской позицией или же агрессией и деспотичностью их отцов и жестким доминированием матерей. Столь же типично для этой группы испытуемых эмоциональное отвержение со стороны родителей и фактор «непоследовательности» их поведения и требований. Автор пришла в своем исследовании к выводу, что ведущим фактором формирования аддиктивного поведения у подростков является нарушение процесса социализации, за которое в значительной степени ответственность несет семья.

Семьи, педагогически и психологически благополучные, охарактеризованы ею как имеющие минимальные шансы на вовлечение подростков из этих семей в потребление наркотиков. Сходный вывод можно сделать и по отношению к другим «опасностям» отклоняющегося поведения молодежи.

Заклячая статью, мы хотели бы высказать убеждение, что нарушение социализации населения России, приобретшее за последние десятилетия XX века массовый характер, включает в свой социально- психологический механизм процессы, на две трети развивающиеся в условиях семьи и обусловленные неполноценным взаимодействием и взаимоотношениями поколений, и на одну треть связанные с усугублением семейного неблагополучия, педагогической некомпетентностью школы, государственных и общественных институтов.

Соответственно, выходом из этой неблагополучной, и даже опасной для российского общества ситуации, может быть, главным образом, перестройка менталитета старших подростков и юношества по отношению к предстоящей этому поколению родительской роли.

Литература:

1. Александрова Ю.В. «Взаимосвязь отношения к Другому и самоотношения взрослого человека» // Мир психологии. 1999. №2.
2. Адамович Алесь. Собр. Соч. т.4. Минск, 1993.
3. Александрова Т.И. Друзья зимние, друзья летние. Одесса 1992 .
4. Берестов В.Д. Застенчивый трубач. М., 2001.
5. Берестов В.Д. Лучшая из женщин (годы с Татьяной Александровой) // Избр. произвед. Т.2. М., 1999.
6. Братусь Б.С. Аномалии личности. М., 1988.
7. Братусь Б.С. Психология и этика. Бахрах, 1999 .
8. Белаиш Ю.С. Окопные стихи. М., 1999.
9. Бурлацкий Ф. Междоуцарствие или хроника времен Ден Сяо Пина // Новый мир. 1982. №1.
10. Выготский Л.С. Проблемы возрастной периодизации детского развития. 1933–1934 гг. // Вопросы психологии. 1972. №2.
11. Габышев Л.А. Одян или воздух свободы. М., 1992 .
12. Драгунский В. «Весь мир насилья. Мы»// Столица. 1994. №4.
13. Достанова М.И. , Кнорре Е.Б. и др. Подросток на перекрестке эпох. М., 1997.
14. Егорычева И.Д. Личностная направленность подростка и метод ее диагностики // Мир психологии. 1999. № 4.
15. Емельянова Л.К. Влияние семьи на самовоспитание подростка // Воспитание молодежи в развитом социалистическом обществе. Ч. 2. М., 1973 .
16. Зейгарник Б.В. , Братусь Б.С. Очерки по психологии аномального развития личности. М., 1980.
17. Захаров А.И. Предупреждение отклонений в поведении ребенка. СПб, 2000.
18. Захаров А.И. Ребенок до рождения. СПб, 1998.
19. Ковалева Г.А. Общение и его воспитательное значение // Мир психологии. 1996. №3.
20. Коваленко В.А. Общность судеб и сердец. Минск, 1985 .
21. Кроник А.А., Кроник Е.А. Психология человеческих отношений. М, 1998.
22. Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. М., 1993.
23. Леонтьев Д.А. Три грани смысла // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии школы

- А.Н. Леонтьева. М., 1999.
24. Лисина М.И. Общение, личность и психика ребенка. М., 1997.
 25. Левкович В.П. Психология семейного воспитания // Психологический журнал. 1981. Т.2. №6.
 26. Лернер Л. На семи шатрах // Общая газета. 2001. №35 (42).
 27. Лишин О.В. Общественно полезная деятельность как фактор формирования мотивационно-потребностной сферы личности подростка: Автореф.... дисс. канд. психол. наук. М. НИИОПП, 1984.
 28. Лифтон Р.Дж. Реформирование мышления и психология тотализма» (1961 г.) // Журнал практического психолога. 1997. №1.
 29. Мангов Саламбек Открытое письмо президенту РФ // Общая газета. 2001. №28 (414).
 30. Муртазаев А.К., Вердиян И. Существительное чужого рода // Новая газета. 2001. №62 (705).
 31. Новикова А. Мальчишки играют в спецназ // Общая газета. 2000. №36.
 32. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1976.
 33. Первин Лоуренс, Джон Оливер Психология личности. Теории и исследования. М., 2000.
 34. Райх В. Психология масс и фашизм. СПб., 1997.
 35. Речкалов В. Задушенный войной // Общая газета. 2001. №26.
 36. Соловейчик С. Воспитание совести // Знание – сила. 1983. №11.
 37. Солженицын А.И. Архипелаг «ГУЛАГ» Т.6. М., 1991.
 38. Собкин В.С., Кузнецова В.И. Российский подросток 90-х. Движение в зону риска. М., 1999.
 39. Ткаченко А., Корнилов А. Сексуальный маньяк // Столица 1999. №8 (14).
 40. Фельдштейн Д.И. Социальное развитие в пространстве – времени Детства. М., 1997 .
 41. Фромм Э. Иметь или быть? М., 1997.
 42. Фромм Э. Человек для себя. Минск, 1997.
 43. Хьямяляйнен Юха Воспитание родителей. М., 1992.
 44. Эфроимсон В.П. Гениальность и генетика. М., 1998.